

Рао Синфу был заживо сожжен в бушующем пламени, его тело было разорвано на куски.

За два года Тун Чжэнь родила для Синфу мальчика и девочку. Оба раза кесарево сечение ей делал Гоу Най. Он говорил, что это ради благополучия Синфу и что роженице так будет легче перенести боль, но на самом деле он оставлял для себя лазейку. Старшего из двух малышей звали Рао Шу, и было очевидно, чьим он сыном.

Сам же Гоу Пи обжигал известь на Девятом Холме. В этот тридцатый день года все остальные ушли по домам встречать Праздник весны, и его оставили здесь дежурить.

В народе говорят: у земледельцев горячая пора в июне, а у торговцев — в двенадцатую луну; двадцать седьмое и двадцать восьмое — хватай и бери живьем. В последние дни двенадцатого месяца торговля шла на ура, мелкий товар расхотелся вмиг, так что Рао Синфу даже в тридцатый день года продолжал бегать по делам. После полудня весь товар был распродан до последней крошки, а взамен в кошельке звенела звонкая монета, и Синфу в отличном настроении поспешил домой. Проходя через поселок Личжэнь, он нарезал два цзиня свиной головы, взял кувшин вина, уложил всё это в коромысло и зашагал обратно, напевая вполголоса веселые песенки.

Он был старым разносчиком, его знали во всей округе на несколько десятков ли вокруг. Проходя мимо Девятого Холма, по своему обыкновению он должен был подняться наверх испить пиалы воды, но сегодня был особый день — ему хотелось поскорее вернуться домой, выпить с семьей вина и поесть пельменей. Он прошел мимо, даже не глядя на гору.

Гоу Пи в одиночестве сидел у печи и украдкой косился по сторонам, как вдруг увидел удаляющуюся спину разносчика Рао Синфу. В ту же секунду в его голове созрел умысел.

Рао-гэгэ, иди водички попьешь! — завопил он и бросился вниз с горы, настойчиво затягивая Синфу в рабочий барак промочить горло.

Синфу сначала хотел отказаться, но, вспомнив о великой доброте его брата к нему, да и не сумев противостоять столь сердечному угощению, ступил в сумерки и направился в гору. Не ведал он, что этот путь для него — всё равно что свинье идти к резчику, шаг за шагом отправляться на смерть.

Добравшись до барака, Синфу опустил коромысло у входа. Гоу Пи согнулся в три погибели, заглянул внутрь и расплылся в улыбке:

Ишь ты, как ладно устроился! И выпивка, и закуска есть. Неужто с невесткой сегодня вечером сообразите на двоих?

Раз в тридцать ли съесть кусок мяса — что тут говорить-то! Раз встретились, делим пополам, тебе кусок отрезать?

Что за речи говоришь, да за кого ты меня принимаешь, братец? Неужто я похож на того, кто норовит на халяву поесть да выпить? Хотя...

Синфу спросил:

Хотя что?

В народе говорят: один не пьет, вдвоем в карты не играют. Если братец решит остаться и я составлю тебе компанию пропустить пару рюмок, тогда другое дело.

Это можно... — поразмыслив немного, ответил Синфу. — Круглый год выдается ли возможность выпить с младшим братцем? Сколько раз за год случалось так, что ты достаивал меня своим вниманием, и не счесть, сколько раз я тебя беспокоил. Сегодня будем считать, что я пришел специально отблагодарить тебя.

С этими словами он занес вино и мясо в дом. Гоу Пи злорадно усмехнулся про себя: Да я не тебя почитал, а твою жену!

В душе Гоу Пи затаил недоброе, но виду не показывал. Синфу был человеком простодушным и доверчивым, а потому быстро опьянел до бесчувствия и, уткнувшись лицом в стол, погрузился в тяжелый сон. Гоу Пи заложил руки за спину и принялся вышагивать за его спиной, как вдруг его глаза хищно блеснули — созрел коварный план.

Рао-гэгэ, Рао-гэгэ! — Гоу Пи пару раз потряс Синфу за плечо, но тот никак не отреагировал. — Рао-гэгэ, пошли на кровать спать!

Он присел рядом с ногами Синфу, перекинул его туловище через свою спину, взвалил на плечи и вынес из барака, шаг за шагом волоча наверх, к самому жерлу печи. Гоу Пи разжал руки, и Синфу с глухим стуком рухнул на землю, покатился колбаской и замер у самого края печи — к счастью, остановился.

Внутри печи всюду горела известь, пламя бушевало всюду. Растекающаяся по жилам вонь лишила Гоу Пи последних остатков совести; уставившись на Синфу, он взглянул на него звериным, кровожадным взглядом. Жар немного привел Синфу в чувство, и он бессвязно забормотал:

Тун Чжэнь, какое у тебя тело горячее! А внутри еще горячее, я больше не могу терпеть...

Услышав имя Тун Чжэнь, Гоу Пи окончательно утвердился в своем решении убить его. Он приставил ладонь козырьком ко лбу, во все стороны оглядел окрестности и, убедившись, что вокруг ни души, со злости со всей дури пнул Синфу под ребра. Бедняга Синфу полетел прямо в печь и запрыгал по раскаленной извести — заметался, закрутился, забился в конвульсиях, сжался в комок и наконец затих, прекратив всякое сопротивление.

Гоу Пи подбежал к печи, яростно закинул внутрь еще несколько лопат угля и погонял огонь до тех пор, пока от Синфу не осталось ни дыма, ни запаха. Затем длинным железным прутом он переломал ему все кости и перемешал их с известью. Посидев там какое-то время и выкурив сигарку, он сообразил, что что-то не так, тайком прокрался в Люгоу, украл оттуда крупного горного козла и приволок его на Девятый Холм, после чего столкнулся в печь, создавая видимость, будто животное случайно сорвалось вниз и сгорело заживо.

Между тем банда Хэй Тайяна состояла теперь (в 1978 году) из семи-восьмилетних детей, а Вань Шань и Ба Шань уже достигли тринадцати-четырнадцати лет. В тридцатый вечер у Ся Цци пропал большой горный козел. Первого числа с утра Ся Цци позвал ребятню подняться в горы и помочь ему отыскать потерянное животное. Они облазили все холмы и горные хребты до единого, но не нашли ни единой шерстинки. В последующие два-три месяца дети каждый день околачивались на горе — во-первых, ради забавы, во-вторых, в надежде отыскать козла. Сегодня цель была всё той же, но результат по-прежнему нулевой, отчего все изрядно приуныли и присели отдохнуть на крутом склоне.

Ба Шань был пресловутым соней: едва усевшись, он тут же клюнул носом и заснул, уткнувшись головой в колени. В голове Вань Шаня внезапно зародилась пакостная мыслишка, и он решил сыграть с ним злую шутку. Обойдя Ба Шаня сзади, он со всего маху врезал ему по заднице ногой и вмиг разбудил. Ба Шань уперся обеими руками в землю и выпрямился, после чего, словно на водной горке, покатился вниз по склону, а на середине пути обо что-то сильно ободрался задом, так что впору было взвыть от боли. Сжав зубы и преодолевая боль, он докатился до подножия горы, вскочил на ноги, развернулся лицом вверх и напустил на себя радостный вид, исподтишка прижав руку к саднящему месту.

Ну как, весело? — громко крикнул Ся Цци.

Ба Шань как раз ожидал подобного вопроса. Вовсю горло он закричал в ответ:

Весело, еще как весело! Советую вам сесть друг за другом паровозиком и скатиться вниз — так будет куда интереснее! Только Сяо Ячжань трусишка, пусть спускается потихоньку.

Все загорелись желанием испытать на себе прелести такой поездочки в стиле паровозика, уселись длинной цепочкой, а в самомпереди устроился Вань Шань. Стоило ему убрать ноги, упершиеся в корни деревьев, как гурьба с веселыми криками понеслась вниз. На середине пути один за другим раздались отчаянные вопли: Ой, моя жопа! У подножия горы все перепачканные и растрепанные кое-как поднялись на ноги, морщась и потирая ушибленные места. Вань Шань подскочил к Ба Шаню, резко отдернул его руку, прикрывавшую зад, и ткнул пальцем в рану:

Народ, глядите-ка! Он первый разодрался, да еще вздумал подражать Панг Тонну с его планом связанных цепей, из-за чего мы все за него пострадали!

Мэн Цзю предложил:

Бей его!

И тут же со всех сторон на Ба Шаня посыпались тумачи и пинки, так что он рухнул на землю. Уходя, Мэн Цзю бросил:

Будешь знать, как врать нам, что это весело! Получай свое «как больно»!

И со злостью вкрутил носок ботинка прямо в рану Ба Шаня, отчего того судорожно скрючило на земле, и он уткнулся лицом в грязь. С криками Волки идут! ребятня вихрем вылетела из долины. Сяо Ячжань пробежала пару шагов, но, вспомнив доброту Ба Шаня по отношению к ней, повернула назад, чтобы помочь ему подняться.

Пройдя пару шагов, Ба Шань остановился и проговорил:

У меня всё тело ломит, на гору я уже не взберусь. Сделай одолжение, сходи наверх и поищи, обо что это мы так порвались.

Сяо Ячжань кивнула и, поднимаясь по следам их недавнего скольжения, принялась шарить на склоне. На середине подъема она наткнулась на какой-то железный острый предмет, выковыряла его и с удивлением обнаружила, что это пуля. Радостная, она сбежала вниз и показала ее Ба Шаню. Ба Шань сорвал пучок молодой пшеницы, стер налипшую грязь и поднес находку к самым глазам:

Ого какая длинная! Верно, пулеметная!

Передавая пулю из рук в руки, они не спеша поплелись домой.

А банда Хэй Тайяна тем временем с криками Волки идут! пробежала какое-то расстояние, а затем, устав, побрела дальше, закинув руки друг другу на плечи. Кое-кто посвистывал, другие затягивали песню Пять маленьких красных ребят. Хэй Тайян пытался свистеть, но у него ничего не получалось — воздух с жалкой свистом со свистом выходил изо рта, напоминая шнур от петарды. Мэн Цзю заметил:

Вроде как говорят: хочешь звонкого свиста — набей требуху на два цзиня. Если дуть изо всех сил, в конце концов непременно получится.

Погода стояла ранневесенняя, обманчиво-теплая, с неожиданными заморозками. Горные цепи походили на унылого старца в потрепанной бурой одежде, который сокрушенно присел в каком-то углу, а солнце было его курительной трубкой, источающей далекое и совершенно бесполезное тепло. Натертая до блеска горная дорога казалась поясной сумой этого старика. Грузовик, доверху набитый гашеной известью, катил по его суме, а когда поравнялся с ватагой Хэй Тайяна, с него сорвался и брякнулся на дорогу огромный кусок извести. Хэй Тайян поднял его обеими руками и изрек:

Слыхал, в этом яйца варят! Вот и новая забава для нас!

А У придвинулся поближе, пригляделся и ткнул пальцем в маслянистое пятно:

Смотрите-ка, как похоже на человеческую ладонь!

Его младший брат Я Ху возразил:

Да с чего бы? По мне, так вылитое баранье ухо.

Ся Цци сокрушенно вздохнул:

Если и впрямь так, то моего барана нам уже век не видать!

По дороге дети слышали раскатистые звуки стрельбы и тут же загорелись желанием поглазеть на стрельбы и насобирать стреляных гильз для игр. Хэй Тайян спрятал кусок извести в придорожной сухой траве, и вся компания с криками и улюлюканьем помчалась к стрельбищу.

Из-за ухабистой и неровной дороги грузовику с известью приходилось лавировать между выбоинами, поэтому он двигался медленно. Ребятишки какое-то время тащились у него в хвосте, вдоволь наслаждаясь выхлопными газами, а потом обогнали его. Они увидели, что Гэ Шуми стоял у дороги и голосовал. В те времена с транспортом было туго, о пассажирских автобусах в деревнях и не слыхивали, так что добраться в дальние края можно было лишь попуткой. Способ передвижения был прост: отрубали бамбуковый хлыст, расщепляли конец, зажимали туда монетку и стояли у дороги — если мимо проезжал попутный грузовик, водитель неизменно подбирал попутчика.

Чего уж там, автомобилей тогда и впрямь водилось раз-два и обчелся, так что и взрослые, и детвора души в них не чаяли. Из любви к искусству люди даже тащились от запаха автомобильного дыма. Стоило на дороге показаться машине, как находится охотник побежать следом за выхлопной трубой, чтобы вдохнуть пары бензина. Несмотря на то, что Гэ Эр прожил на белом свете уже добрую половину века, в кузове грузовика он оказался впервые — прямо как благородная девица, впервые сев в свадебный паланкин. Он сидел в кузове ничуть не смущаясь тряски, с расплывшейся до ушей счастливой улыбкой на лице; казалось, он — могущественный небожитель, парящий на облаках и с высоты своего величия вззирающий на суетный бренный мир и миллионы простых смертных.

<http://bllate.org/book/22008/2287959>